

Библиотека Классической Литературы

ДЖЕЙН ОСТЕН

Чувство и чувствительность
Любовь и дружба

Перевод с английского

Москва 2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-76

Перевод с английского *И. Гуровой* и *А. Ливерганта*

Предисловие и комментарии *Е. Гениевой*

Серия «Библиотека всемирной литературы»

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ художников Эдмунда Блэра Лейтона, Хейвуда Гарди и Альфреда Зейферта.

Серия «100 главных книг»

Оформление *Н. Ярусовой*

Остен, Джейн.

О-76 Чувство и чувствительность ; Любовь и дружба : романы / Джейн Остен; [пер. с англ. И. Г. Гуровой, А. Я. Ливергант]. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 544 с.

ISBN 978-5-699-94977-9 (Библиотека всемирной литературы)

ISBN 978-5-699-94979-3 (100 главных книг)

Целая галерея ярких образов современников классика английской литературы Джейн Остен – благородных и коварных, безрассудных и малодушных, чопорных и трепетных – предстает на страницах ее произведений. Перед вами самые нежные произведения – первый опубликованный роман Остен – «Чувство и чувствительность» о судьбах двух сестер, благоразумной Элинор и пылкой Марианны, и две изящные и ироничные маленькие истории, написанные в 14 и 17 лет, – истинное удовольствие для настоящих леди. Любовь до гроба, бесконечные обмороки и нежные объятия – на каждой странице.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-94977-9
ISBN 978-5-699-94979-3

© Е. Гениева, предисловие, комментарии, 2017
© И. Гурова, перевод на русский язык.
Наследники, 2017
© А. Ливергант, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Содержание

ОБАЯНИЕ ПРОСТОТЫ

Е. Гениева

7

ЧУВСТВО
И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Перевод И. Гуровой

37

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

457

ЗАМОК ЛЕСЛИ

499

КОММЕНТАРИИ Е. ГЕНИЕВОЙ

536

ОБАЯНИЕ ПРОСТОТЫ

18 июля 1817 г. в небольшом доме на одной из улиц английского города Уинчестера умирала женщина. Ей был сорок один год, она очень страдала. У постели умирающей, не отходя ни на минуту, дежурила ее сестра Кассандра. «Боже, пошли мне смерть, — шептали иссохшие губы. — Даруй мне терпение. Молитесь за меня». На рассвете ее не стало.

Похоронили умершую в Уинчестерском соборе, запечатлев на могильной плите ее добродетели: кротость нрава, отзывчивость сердца, дочернюю почтительность, жертвенность и богобоязненность. Забыли, правда, сказать главное: женщина, чей прах покоился здесь, была писательницей, которую последующие поколения причислили к классикам мировой литературы.

Джейн Остен решительно опередила свое время. В эпоху господства романтизма творчество этой писательницы, рассказывающей не о демонических героях и бурных страстях, а всего лишь о жизни английской провинции, осталось, по сути дела, незамеченным, а потому и не оцененным по достоинству. «Гордость и предубеждение», впоследствии самый известный роман Джейн Остен, издатель отверг, сочтя его скучным и незначительным. Современники Остен, даже самые благосклонные, пишет в своих воспоминаниях от 1870 г. первый биограф, племянник писательницы Эдвард Остен-Ли, были

не слишком высокого мнения о ее сочинениях и искренне удивились бы, доведись им узнать, что их читают и век спустя. Мало что изменилось и в середине XIX в. Диккенс не подозревал о существовании Джейн Остен, Шарлотта Бронте высказалась о ней весьма уничижительно: «Точное воспроизведение обыденных лиц, тщательно огороженные и ухоженные сады... Ни одного яркого образа. Ни одного дикого ландшафта. Там нет свежего воздуха, голубых гор, суровых скал... Возможно, она разумна, реалистична... но великой она быть не может».

У Теккерея в одном из писем встречается упоминание Джейн Остен. Но оно столь беглое, что его нельзя считать суждением. Само по себе это довольно странно. Автор «Ярмарки тщеславия», «Генри Эсмонда», «Пенденниса», «Ньюкомов» объективно развивал традиции Джейн Остен и размышлял как раз над теми художественными, в первую очередь повествовательными, задачами, которые на рубеже XVIII и XIX вв. с блеском решила мало кому известная писательница, долго подписывавшая свои произведения: «сочинения леди».

Однако и в XIX в. нашлись ценители таланта Джейн Остен. Саути писал, что в романах Остен «больше верности природе и подлинного чувства, чем в любом другом произведении ее века»; восхищались ею Колридж, историк и блистательный стилист Маколей, известный критик Генри Льюис. Но самое пронизательное суждение принадлежит первому критику Джейн Остен — Вальтеру Скотту, опубликовавшему в 1816 г. рецензию на «Эмму». «Создательница современного романа, события которого сосредоточены вокруг повседневного уклада человеческой жизни и состояния современного общества» — таков был восторженный отзыв Скотта.

Но ведь «отцом современного романа» Байрон, Бальзак, Стендаль, Белинский считали самого Вальтера Скотта. В XIX в., как, впрочем, и в первой половине XX, никому и в голову не пришло подвергнуть сомнению приоритет Вальтера Скотта. Однако мнение автора «Уэверли»,

потрясенного «точностью и четкостью» искусства Остен, «пониманием человеческих отношений, глубоким тактом, с которым она рисует характеры», заставляет по-новому взглянуть на некоторые литературные явления и на их последовательность.

Существует немалая путаница в датировке романов Джейн Остен, которые имеют две, а то и три «даты написания». Ее романы, как правило, становились известны публике через много лет после их создания. Например, роман «Гордость и предубеждение» писался в 90-е годы XVIII в., а вышел только в 1813 г. Похожая судьба у «Нортенгерского аббатства». Работу над рукописью Остен начала в 1798 г., опубликован роман был только после смерти писательницы, в 1818 г. Эти даты важны не только для установления хронологии творчества Джейн Остен. Восстановив истинную последовательность событий, можно сделать вывод, что в Англии не в 10–20-е годы XIX в., но в 90-е годы XVIII столетия начал складываться новый тип реалистического искусства, видящего и запечатлевающего неразрывную связь между личностью и обществом, постигающего личность в постоянном движении, развитии, открывающего новые по сравнению с уходящей эпохой, более «правдоподобные» формы повествования.

Для столь раннего становления реализма были особые литературные условия. Во Франции реализм заявил о себе как о самостоятельном литературном направлении после эпохи романтизма, взорвавшего своей эстетикой эстетику Просвещения. Иная картина наблюдалась в Англии. Здесь романтизм оформился в эстетическую систему к 1798 г. — дата выхода манифеста английского романтизма, предисловия Вордсворта и Колриджа к «Лирическим балладам». Но уже к этому времени, то есть параллельно с романтизмом и сохраняя преемственность по отношению к просветительскому реализму, начал складываться, как раз в творчестве Джейн Остен, новый тип реализма.

Однако в XIX в. это не осознали. Настоящее, широкое признание пришло к Джейн Остен лишь в XX в. Ее психологическое, пронизанное изящной иронией искусство оказалось созвучным писателям рубежа века и первых десятилетий XX столетия. Теперь в ряду поклонников Джейн Остен — Г.-К. Честертон, Р. Олдингтон, С. Моэм, В. Вулф, Э. Боуэн, Б. Пристли, Э.-М. Форстер. «Из всех великих писателей Джейн Остен труднее всего «поймать на величии», ей присущи особая законченность и совершенство», — замечала Вирджиния Вулф. «Благодаря своему незаурядному художественному темпераменту ей удастся интересно писать о том, что под пером тысячи других, внешне похожих на нее сочинительниц выглядело бы смертельной скукой. Про такую писательницу, как Джейн Остен, не скажешь даже, что она оригинальна, — она проста и естественна, как сама природа», — писал один из самых пронизательных английских критиков, Г.-К. Честертон. «Почему герои Джейн Остен, — задает вопрос мастер психологической прозы XX в. Э.-М. Форстер, — доставляют нам каждый раз все новое наслаждение по сравнению с одним и тем же наслаждением, которое мы испытываем, читая Диккенса? Почему они так хорошо сочетаются в диалоге? Почему они никогда не актерствуют? Дело в том, что ее герои, хотя они меньше размерами, чем герои Диккенса, организованы более сложно». Сравнение Джейн Остен с Диккенсом продолжил Р. Олдингтон: «Диккенс владел даром жить жизнью своих героев и умением передавать это чувство читателям. Погрешности вкуса, предрасположенность к мелодраме, сентиментальности и карикатуре часто ослабляют его. Дар этот у Остен был, возможно, более скромным и сдержанным, зато вкус ее был безупречным и никогда не изменял ей».

Начиная с 30-х годов прошлого столетия Джейн Остен превращается у себя на родине в едва ли не самого популярного, самого читаемого автора XIX в. А сегодняшняя Англия переживает настоящий «бум» Джейн

Остен. Ее произведения, причем не только зрелые, но и юношеские (пародии, наброски), и те, что остались незавершенными, пристально изучаются; о ней написаны сотни статей; ее творчество стало предметом не одного десятка диссертаций. Ученые ведут споры, какой литературной эпохе – Просвещению, романтизму, классическому реализму – принадлежит эта писательница, кто она – рационалист, сатирик, романтик, бытописатель, бесстрастный хроникер, тонкий и глубокий писатель-реалист? Переиздаются большими тиражами романы Джейн Остен; их сопровождают превосходные иллюстрации, выполненные известными английскими художниками и графиками. Произведения Джейн Остен ставятся на сцене, экранизируются. Общество Джейн Остен выпускает ежемесячный бюллетень, публикующий информацию о всех новостях в «остеноведении», в частности, о переводах произведений Джейн Остен на языки мира. Организован музей Джейн Остен. В английском языке существует слово «джейнист» – почитатель творчества Джейн Остен. Соревнуясь друг с другом в знании текстов Джейн Остен, а заодно и в изобретательности, писатели и литературоведы дописывают ее незавершенные произведения – «Леди Сьюзен», «Сэндитон», «Уотсоны».

К сожалению, о самой писательнице известно досадно мало. Ее сестра, Кассандра Остен, то ли выполняя волю Джейн, то ли скрывая какую-то семейную тайну, а может быть, стремясь уберечь личную жизнь покойной от нескромных взглядов, уничтожила большую часть переписки и тем самым лишила биографов ценнейшего материала. Впрочем, сама же Кассандра, вовсе того не подозревая, выпустила джинна из бутылки, создав благодатную почву для всевозможных домыслов, дерзких гипотез, невероятных догадок. Почему все же Джейн Остен так и не вышла замуж – ведь ей не раз делали предложения? Правда ли, что она хранила верность брату поэта Уильяма Вордсворта, моряку, погибшему во время кораблекрушения? Была она с ним помолвлена или ее избранником

стал кто-то другой? Почему на стене Уинчестерского собора, где похоронена Джейн Остен, лишь в 1872 г. появилась доска, где упоминают, и то вскользь, что Остен была писательницей? Почему близкие так настойчиво уверяли, что в жизни их родственницы не было никаких значительных событий? Почему им хотелось убедить мир, что Джейн была добрейшим и милейшим существом на свете, когда известно, каким быстрым был ее ум и острым язык? А что, если и в самом деле была какая-то тайна и прав Моэм, когда искренне недоумевает, как «дочь довольно скучного и безупречного в своей респектабельности священника и очень недалекой маменьки могла написать «Гордость и предубеждение»?

Впрочем, охотников разгадать эту загадку и ответить на бесконечные «почему» немало. Английские писатели давно сделали Джейн Остен героиней романов, рассказов, поэм, пьес. О ней писал Редьярд Киплинг в рассказе «Джейнисты»; современная английская писательница Фэй Уэлдон в «Письмах к Алисе по прочтении Джейн Остен»; австралийская романистка Барбара Кер Уилсон в романе с неожиданным названием «Джейн Остен в Австралии». XX век воздал должное автору «Гордости и предубеждения»!

Джейн Остен родилась 16 декабря 1775 года в небольшом городке Стивентоне в графстве Хэмпшир. Отец ее, Джордж Остен, которого Моэм в сердцах назвал воплощением скучной респектабельности, был приходским священником, но необычным. Происходил он из старинной кентской семьи, был просвещенным и широко образованным человеком. Его жена, Кассандра Ли, тоже принадлежала к старинному, но обедневшему роду. У Джорджа и Кассандры Остен было восемь детей: шесть сыновей и две дочери. Предпоследним ребенком была Джейн.

Для XVIII века такое количество детей не было чем-то из ряда вон выходящим. Необычно было другое: при высокой детской смертности в то время все они выжили.

Старший брат, Джеймс, имел склонность к литературным занятиям: писал стихи, прозу, но пошел по стопам отца. О втором брате, Джордже, в семье предпочитали не говорить: он был психически неполноценным, говорить так и не научился. Видимо, ради него Джейн Остен изучила азбуку немых, которой, судя по отзывам близких, владела вполне сносно. Третьего брата, Эдварда, усыновили богатые бездетные родственники Остенов Найты, что открыло перед ним широкие возможности — из класса джентри он перешел в класс нобилити.

Самая яркая, самая романтическая судьба была у четвертого, любимого брата Джейн Остен, Генри Томаса. Человек увлекающийся и не слишком практичный, он перепробовал на своем веку немало профессий: служил в армии, был банкиром, поначалу преуспевал, но потом разорился, принял сан. Женат он был на Элизе де Фейид, вдове французского дворянина, окончившего свои дни на гильотине. Элиза оказала немалое влияние на Джейн Остен. Именно Элизе Джейн обязана неплохим знанием французского языка и французских авторов: Ларошфуко, Монтеня, Лабрюйера, а также любовью к театру. До того как Элиза получила печальное известие из Франции о смерти мужа, она часто ставила домашние спектакли, привлекая к этому занятию всех членов семейства Остен.

Два других брата, Фрэнсис и Чарлз, были моряками, дослужились до адмиральского чина.

Но особенная дружба связывала Джейн с Кассандрой. «Если бы Кассандре отрубили голову, — говорила миссис Остен, — Джейн настояла бы, чтобы с нею поступили так же». С Кассандрой она делилась всеми своими замыслами, Кассандра, конечно же, знала имя человека, которому хранила верность Джейн Остен, на руках у Кассандры Джейн Остен умерла. Кассандра, как и сестра, замуж не вышла. Ее избранник, молодой священник Томас Фаул, умер от желтой лихорадки в Вест-Индии, куда отправился в надежде заработать деньги на предстоящую свадьбу.

Когда его не стало, Кассандре было только двадцать четыре года.

Гораздо меньше определенных сведений мы имеем о самой Джейн Остен. Мнения современников даже о ее внешности и те противоречивы. Джейн «совсем не хорошенькая, она очень чопорна для своих двенадцати лет, капризна и неестественна», — замечает ее кузина Филадельфия. «В жизни своей не видела другой такой хорошенькой вертушки, всецело занятой поисками мужа, как Джейн», — вспоминает некая миссис Митфорд, а ее подруга, навестившая Джейн Остен за два года до ее смерти, в 1815 г., замечает: «Джейн превратилась в застывший, молчаливый перпендикуляр — образец «счастливого безбрачия», и до той поры, пока «Гордость и предубеждение» не открыли всем, какой драгоценный алмаз скрывается в этом жестком футляре, в обществе на нее обращали не больше внимания, чем на кочергу или на каминную решетку». Иной виделась Джейн Остен С.-Э. Бриджесу, брату ее близкой приятельницы: «Она привлекательна, хороша собой, тонка и изящна, только щеки несколько кругловаты». С этим описанием схож и портрет Джейн, сделанный Кассандрой.

Хотя Джейн Остен и казалась кому-то «перпендикулярной», синим чулком она не была. Напротив, любила наряды, балы, веселье. Ее письма полны описаний фасонов шляпок, рассказов о новых платьях и новых кавалерах. Веселье счастливо сочеталось в ней с природным умом и очень неплохим, особенно для девушки ее круга и положения, даже не окончившей школу, образованием. Со школами Джейн в самом деле не везло; в первой она и Кассандра страдали от деспотичного нрава директрисы, чуть было не умерли, заразившись сыпным тифом. Другой школой в Рединге, напротив, руководила очень добродушная особа, но знания учениц были последней заботой в ее жизни. Вернув дочерей домой, Джордж Остен решил заняться их образованием сам и, надо сказать, весьма в этом преуспел. Умело руководя их чтением, он

привил девочкам хороший литературный вкус, научил их любить классических авторов, которых отменно знал по роду собственных занятий. По вечерам, собравшись у камина в гостиной, читали вслух Сэмюэла Джонсона в изложении его биографа Босвелла. Любовь и почтение к «великому лексикографу», которого Джейн Остен нежно называла «мой милый доктор Джонсон», она сохранила на всю жизнь. Читали Шекспира, Голдсмита, Юма. Увлекались и романами, в первую очередь сочинениями Ричардсона, Филдинга, Стерна, Марии Эджуорт, Фанни Берни. Из поэтов в семье особенно почитали Каупера, Томсона, Грея, Крабба. Последнего Джейн как-то мельком увидела на улице в Лондоне и пошутила, что он единственный мужчина, за кого она вышла бы замуж.

Формирование личности Джейн Остен проходило, как бы мы сказали сегодня, в интеллигентной обстановке — среди книг, постоянных разговоров о них, обсуждений прочитанного и происходящего. Хотя всю свою недолгую жизнь Джейн Остен провела в провинции: Стивентоне, Бате, Чотэне, Уинчестере, лишь изредка наезжая в Лондон, большой мир с его событиями и катаклизмами — войнами, восстаниями, революциями — постоянно врвался во внешне спокойное и размеренное существование дочери английского священника. Шли Наполеоновские войны, Война за независимость в Северной Америке, Англия была охвачена промышленным переворотом, по ней уже прокатились первые выступления луддитов, в Ирландии бушевали восстания. Не только газеты приносили в Стивентон, Бат или Чотэн волнующие новости. Джейн Остен состояла в оживленной переписке с братьями, их женами, детьми, дальними родственниками, а некоторые из них были непосредственными участниками исторических драм. Французская революция коренным образом изменила судьбу Элизы де Фейид, брата Чарльза и Фрэнсис воевали с Францией. В Вест-Индии умер жених Кассандры; в течение нескольких лет в семье Остенов воспитывался сын бывшего губернатора Индии